

Эмпирические исследования Empirical researches

DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_02_02

Филатова А.Ф., Костромина С.Н.

Ценностно-смысловые детерминанты
переживания собственной деструктивности:
качественный анализ

Filatova A.F., Kostromina S.N.

Value-semantic determinants
of experiencing one's own destructiveness:
qualitative analysis

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Изучение деструктивных явлений в повседневной жизни современного человека представляет особый интерес для психологической науки и практики психологического консультирования и психотерапии. Вопреки традиционному представлению о том, что деструктивное поведение обусловлено исключительно нарушениями эмоционально-волевой регуляции, многие формы и проявления деструктивности можно рассмотреть с точки зрения самодетерминации личности, предполагающей субъектную вовлечённость, целенаправленность и произвольность действий, осознание себя причиной и автором деструкции. Переживание личностью собственной деструктивности может быть связано с актуализацией и реализацией жизненных ценностей и смыслов. Качественный анализ переживаний личности позволит существенно дополнить представленные в современной литературе количественные исследования паттернов деструктивного поведения. Целью работы является изучение ценностно-смысловых компонентов переживания личностью собственной деструктивности, а также проверка предположения о том, что деструктивная активность связана с разноуровневыми механизмами самодетерминации личности. Выборку исследования составили 20 человек в возрасте от 20 до 50 лет. В качестве метода сбора данных использовалось полуструктурированное интервью, в качестве метода обработки данных – тематический контент-анализ. Результаты исследования содержат описание поведенческих, эмоциональных и когнитивных компонентов переживания деструктивности,

различающихся в зависимости от направленности разрушения вовне или на себя. В текстах респондентов обнаружены эмпирические референты, соответствующие трём уровням самодетерминированной деструктивной активности: 1) спонтанным разрушительным интенциям, связанным с эмоциональной саморегуляцией или самостимуляцией; 2) произвольным инициациям деструктивности для достижения коммуникативных целей; 3) смыслом и ценностям разрушения, возникающим в условиях актуализации жизненных ценностей личности или их конфликта. Показана роль ценностей самоусиления, самотрансценденции, стимуляции, открытости к изменениям и самонаправления в процессе ценностно-смысловой самодетерминации личностной деструктивности. Результаты исследования позволяют сделать вывод о связи переживания собственной деструктивности с реализацией жизненных смыслов и ценностей личности.

Ключевые слова: деструктивность личности, деструктивное поведение, деструкция, аутодеструкция, детерминизм, самодетерминация, ценности, личностный смысл, качественные методы

Для цитирования: Филатова, А.Ф., Костромина, С.Н. Ценностно-смысловые детерминанты переживания собственной деструктивности: качественный анализ // Новые психологические исследования. 2024. № 2. С. 30–59. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_02_02

Введение

Проблематика деструктивности личности всегда занимала значительное место в психологической науке. В работах З. Фрейда деструкция или влечение к смерти рассматривается как бессознательное биологически обусловленное стремление любого живого существа к возврату в неорганическое состояние, из которого когда-то, нарушив покой и гомеостаз, зародилась жизнь (Фрейд, 2020). Традиционно в психологическом дискурсе понятия деструкции и деструктивности используются для описания особого рода влечения человека, мотивационной направленности на разрушение и саморазрушение (Шпильрейн, 2020; Фромм, 2017).

В современных научных исследованиях сравнительно редко освещается классическое психоаналитическое понимание деструкции, в связи с чем не получает развития соответствующая ему методология феноменологического описания и герменевтического анализа (Рикёр, 1995; Recarte, 2020). Более распространённый диспозициональный подход к исследованию деструктивности предполагает количественный анализ выраженности паттернов разрушающего и саморазрушающего поведения. Согласно имеющимся

данным, такие паттерны связаны в первую очередь с эмоциональной сферой личности: импульсивностью, эмоциональной лабильностью, возбудимостью и реактивностью (Hamza et al., 2015; Moore et al., 2022). Деструктивное поведение объясняется нарушениями волевой саморегуляции личности и часто рассматривается в качестве симптома личностных расстройств (Kolbeck et al., 2019). Выборки подобных исследований в большинстве работ ограничены подростками и молодыми людьми (Шиляева, Фёдорова, 2019; Matera et al., 2021). Зачастую исследователи отождествляют деструкцию с агрессией и агрессивным поведением либо приравнивают её к девиации, отклонению от общепринятых социальных и этических норм (Клейберг, 2008; Короленко, 1990). Кроме того, разрушительность личности по преимуществу рассматривается со строго детерминистических позиций, с точки зрения обусловленности данного свойства биологическими или социокультурными факторами (Морозова и др., 2018; Розанов, 2022). Как следствие, выявляются методологические противоречия и несогласованность имеющихся теорий и концепций. Разнообразие исследований деструктивных явлений психической жизни затрудняет определение границ предметной области и обобщение накопленных данных.

Работы по психологии личности последних лет все чаще ориентируют нас в анализе поведения человека на: 1) анализ феноменов рефлексивного сознания, интенциональности и субъектности человека (Петровский, 2021); 2) учёт нелинейной внутренней динамики и процессуальности личности (Гришина, Костромина, 2021); 3) изучение самодетерминационных процессов в системе личности, механизмов реализации свободы, осуществления смысловых выборов в условиях неопределённости и принятия самостоятельных волевых решений (Леонтьев, 2000, 2008). В соответствии с этими тенденциями можно сформулировать новые теоретические и методологические основания исследования деструктивности личности:

1. Разрушительная активность предполагает субъектную вовлеченность и может рассматриваться в качестве целенаправленной и произвольной деятельности субъекта (Злоказов, 2018). Такая позиция позволит понять, каким образом человек переживает и проявляет собственную деструктивность в повседневной жизни, какое значение приписывает своему поведению и как оно может быть связано с устойчивой системой жизненных ценностей личности.

Комплексное исследование будет включать не только выявление внешне наблюдаемых паттернов деструктивного поведения, но и анализ внутриличностных аспектов деструкции: стремлений, желаний, намерений личности, эмоций и мыслей. Эти феномены включены в авторское понятие переживания личностью собственной деструктивности, означающее особую внутреннюю деятельность по реконструкции, переструктурированию и осмыслению проявлений собственной деструктивной активности. Изучение феноменологии переживаний сознательного субъекта деструкции позволит описать неклинические формы её проявления и формы, характерные не только для подростков, но и для людей разных возрастов.

2. Деструктивность можно определить в качестве системного свойства личности, обусловленного процессами внутренней самоорганизации и поддержания устойчивости благодаря непрерывным изменениям (Marchenko, Martseniuk, 2020). Будучи открытой и неравновесной системой, личность находится в метастабильном состоянии, подразумевающим нарушение сложившегося порядка под влиянием разных событий. Внутриличностная динамика может быть представлена в виде колебаний между полюсами упорядоченности и хаоса, созидания и разрушения. Частичное саморазрушение системы необходимо для перестройки имеющейся конфигурации системных взаимосвязей (Пьянкова, 2009).

3. Являясь системным личностным свойством, деструктивность может быть рассмотрена во взаимосвязи с механизмом самодетерминации личности, обеспечивающим относительную свободу в реализации её жизненных стремлений и включающим энергетическую, целевую и смысловую активность личности по осуществлению выбора (Костромина и др., 2023). С точки зрения системного подхода деструктивное поведение вполне возможно описать не только как форму эмоционального реагирования, но и в качестве самодетерминированной активности, произвольно инициируемой и осмысляемой личностью. В этом случае в фокусе внимания оказываются такие варианты переживания деструктивности, при которых субъект разрушения осознаёт себя причиной и автором собственных действий и поступков.

Ранее нами была продемонстрирована и теоретически обоснована возможность использования комплементарной модели самодетерминации личности в исследовании феномена деструктивности (Костромина, Филатова, 2023). Данная модель

включает три взаимосвязанных уровня, или вида: базовую спонтанную (функциональную), целевую (деятельностную) и смысловую самодетерминацию (Костромина и др., 2023). Применяя модель к описанию различных проявлений деструкции, мы можем выделить три феноменологических уровня: 1) первый объединяет свободные и спонтанные разрушительные интенции личности, возникновение которых детерминировано нелинейной внутренней динамикой живой системы; 2) на втором уровне деструктивность инициируется в качестве произвольной и целенаправленной деятельности и активности; 3) наконец, третий уровень представлен ценностными и смысловыми аспектами разрушения, возникающими в процессе переживания и рефлексии (Костромина, Филатова, 2023). Предположительно, на каждом из уровней деструктивная активность обусловлена особым механизмом самодетерминации личности (см. табл. 1).

Таблица 1. Комплементарная модель самодетерминации деструктивного поведения личности

Уровень самодетерминации деструктивности	Механизм самодетерминации деструктивного поведения
Смыслы и ценности разрушения	Ценностная саморегуляция, смыслопостроение, актуализация, реализация и инстантирование жизненных ценностей
Произвольные инициации разрушения	Целеполагание и планирование, реализация сознательных целей деятельности и общения с помощью разрушения
Спонтанные разрушительные интенции	Эмоциональная саморегуляция или аутостимуляция посредством деструктивного поведения

Представляет особый исследовательский интерес описание третьего уровня ценностно-смысловой самодетерминации деструктивности, включающего механизмы ценностного регулирования поведения, актуализацию и реализацию жизненных ценностей и смыслов личности, а также инстантирование («instantiation») базовых ценностей. Под инстантированием в данном контексте понимается приложение абстрактной ценности к конкретной жизненной ситуации, воплощение сути той или иной ценности в конкретных категориях (Роккас, Сагив, 2022). Мы предполагаем, что инстантирование ценностей в процессе переживания осуществляется двунаправленным образом.

С одной стороны, рефлексия собственной деструктивности включает процесс «означивания» и определения своего поведения посредством категории «разрушающего» или «деструктивного». Под эту категорию могут попадать все те паттерны поведения, которые подвергаются внутренней цензуре и фильтру интериоризированной системы морально-нравственных оценок. «Деструктивное» часто отождествляется с «негативным» и вступает в противоречие с ценностными стереотипами и ценностными идеалами личности. Данное предположение подкрепляется тезисом Ш. Шварца и Я. Цециуха: влияние ценности на поведение может быть выражено не только в усилении поведения, но и в его подавлении (Schwartz, Cieciuch, 2022). Тогда в структуре переживания собственной деструктивности и в процессе осмысления поведения присутствует феномен «отрицательного» или «обратного» инстантирования ценностей: жизненные ситуации, где человек проявляет деструктивность, будут оцениваться как воплощение противоположного ценностям способа жить и действовать.

С другой стороны, в ряде случаев деструктивность служит непосредственным способом реализации жизненных ценностей, т.е. вариантом их прямого инстантирования. Согласно исследованию А. Кнафо и соавторов (Роккас, Сагив, 2022), проведенному в смежной предметной области на выборке подростков, агрессивное поведение значимо связано с основными категориями базовых ценностей по классификации Ш. Шварца: положительно – с ценностями самоусиления и открытости к изменениям, отрицательно – с ценностями самотрансценденции и стабильности/консерватизма. Агрессивное поведение не синонимично деструктивному, однако агрессия часто является одним из аффективных и энергетических компонентов переживания личностью собственной деструктивности (Фромм, 2017; Томэ, Кехеле, 1996). В связи с этим мы можем выдвинуть аналогичную гипотезу о наличии взаимосвязи между деструктивной активностью и основными категориями ценностей. Деструктивная и аутодеструктивная деятельность может инстантировать ценности самонаправления и самостимуляции (объединяемые категорией открытости к изменениям), а также ценности власти и достижения (объединяемые категорией самоусиления). Например, самонаправление – свобода определять собственные действия и развивать собственные идеи и способности – может быть реализовано, в том числе, посредством деструктивных действий, противоречащих социальным нормам и правилам, в форме протестного или

рискованного поведения. Самостимуляции, поиску новых ощущений иногда соответствует рискованное деструктивное поведение. Негативное влияние на личность ценностей успеха и достижений нередко выражается в деструктивных и аутодеструктивных паттернах (например, в пренебрежении другими людьми или собственным здоровьем, сном, отдыхом и т.п.): по результатам ряда исследований, эти базовые ценности положительно коррелируют с тревогой, стрессом и низким эмоциональным благополучием (Hanel, Wolfardt, 2016).

Любая ценность личности является по сути нейтральной категорией и приобретает как положительное, так и отрицательное значение в зависимости от контекста. Взаимодействие устойчивой системы ценностей личности с динамическими характеристиками конкретной психологической ситуации определяет то, какой смысл будет приписывать личность проявлениям собственной деструктивности. Поэтому опосредующую роль во взаимосвязи ценностей и поведения играют процессы осознания собственных намерений и мотивов, а также осмысление своего поведения (Роккас, Сагив, 2022).

Кроме того, взаимосвязь ценностей и поведения также опосредуется рефлексией собственной активности с точки зрения её причинной обусловленности: люди расширяют представления о своих базовых ценностях именно на основе добровольных действий, не обусловленных и не сдерживаемых внешними факторами. Согласно утверждению Я. Цециуха, «вопрос о процессах, связывающих ценностные предпочтения и поведение, в конечном счёте, становится вопросом свободы человека» (Роккас, Сагив, 2022, с. 311). Отсюда возникает предположение, что деструктивное поведение будет актуализировать ценности только в том случае, если оно осознаётся в качестве самодетерминированной активности и человек считает именно самого себя или свои внутренние процессы причиной разрушения. Поскольку деструктивное поведение часто оценивается самим субъектом в качестве реакции на внешний стимул, на другого человека или на ситуацию, необходимо включить в анализ переживания личностью собственной деструктивности представления о детерминантах своего поведения, о наличии и возможностях выбора поведения в конкретной ситуации, а также рефлексии степени осознанности и волевого контроля в момент реализации разрушения.

Нарратив о «себе разрушающем», структурирующийся в ходе переживания и рефлексии, может включать валюации близости или становления по Г. Хермансу (Херманс, 2007), т.е. процессы ценностного (само)оценивания. Это поиск ответов на вопросы, «как жить с кем-то?» или «как стать кем-то?», который осуществляется посредством рассказа истории о себе. Деструкция, разворачивающаяся в пространстве социальных отношений, представляет собой один из возможных способов «жить с кем-то». Также она может служить «причиной становления» (Шпильрейн, 2020): способом самопознания, самоутверждения в бытии и реализации собственных возможностей. Мы предполагаем, что разрушение будет приобретать самостоятельную ценность и значимый смысл в том случае, если оно обусловлено решением задач близости или становления, а также реализацией базовых ценностей самотрансценденции или самоусиления.

Целью данной работы является качественный анализ содержательных, процессуально-динамических и ценностно-смысловых аспектов переживания личностью собственной деструктивности. Поскольку исследование носит феноменологический характер, в качестве исследовательского вопроса мы сформулировали положение о том, может ли деструктивность рассматриваться в качестве самодетерминированной активности личности, обусловленной реализацией жизненных ценностей и смыслов. Для ответа на этот вопрос были решены три исследовательских **задачи**: 1) Сбор феноменологических описаний переживаний и проявлений деструктивности человека на примере различных жизненных ситуаций; 2) Выделение категорий и эмпирических референтов, соответствующих разноуровневым проявлениям самодетерминированной разрушительной активности: спонтанным интенциям, произвольным инициациям, ценностям и смыслам разрушения; 3) Проверка гипотезы о причинной обусловленности переживания собственной деструктивности инстантированием или реализацией базовых ценностей личности – ценностей самотрансценденции или самоусиления, открытости изменениям или поддержания стабильности.

Методы и процедура исследования

Выборку исследования составили 20 человек (средний возраст – $27,5 \pm 7,4$), жители разных городов РФ, среди которых 15 женщин и 5 мужчин. Уровень образования большинства респондентов –

высшее профессиональное образование (75%). Основным родом деятельности для 2 респондентов является получение образования, для 8 – трудовая деятельность, для 8 – совмещение учебной и профессиональной деятельности. Больше половины респондентов состоят в партнёрских или супружеских отношениях (65%).

Сбор данных осуществлялся с октября 2023 по январь 2024 г. Приглашение к участию в исследовании было размещено в социальных сетях. К участию приглашались все желающие старше 18 лет без диагностированных психических заболеваний.

В качестве метода сбора данных в нашем исследовании использовалось авторское полуструктурированное интервью, которое проводилось очно в формате личной беседы или онлайн в формате видеозвонка. Интервью было разработано с целью выявления ключевых аспектов переживания респондентами собственной деструктивности на примере различных жизненных ситуаций. Интервью включало 33 вопроса и состояло из пяти тематических блоков (см. табл. 2).

Обработка данных производилась с использованием тематического контент-анализа. Процедура анализа включала: 1) первичный анализ: транскрипцию, перечитывание данных, формулировку гипотез; 2) кодирование данных комбинированным способом, сочетающим дедуктивное «направленное теорией» (theory-driven) и индуктивное «направленное данными» (data-driven) кодирование; 3) объединение кодов в темы; 4) обзор тем, проверку соответствия выявленных тем имеющимся данным, создание тематической «карты»; 5) определение ключевых тем и их интерпретацию (Хорошилов, Мельникова, 2020; Braun, Clarke, 2006). Тематический анализ был дополнен частотным анализом выявленных категорий, соответствующих ключевым темам.

Таблица 2. Структура авторского интервью с примерами вопросов

№	Тип вопроса	Примеры вопросов	Маркеры для контент-анализа
1	Типичные паттерны проявления деструктивности	<ul style="list-style-type: none"> • Как часто, по Вашему собственному мнению, Вы ведёте себя деструктивно? Как часто Вы испытываете желание или стремление разрушать? • В чём это обычно проявляется? Что конкретно для Вас является деструктивностью? • В каких ситуациях Ваша деструктивность проявляется особенно интенсивно? Какие чувства при этом испытываются? 	Типичные паттерны поведения, категории жизненных ситуаций, повторяющиеся чувства, мысли, желания
2	Рефлексия конкретной жизненной ситуации, в которой респондент проявлял(а) деструктивность	<ul style="list-style-type: none"> • Вспомните наиболее яркую и запоминающуюся Вам жизненную ситуацию, связанную с проявлениями деструктивности, Вашим стремлением к разрушению чего-либо. Опишите эту ситуацию. • Что предшествовало этой ситуации, какой был контекст? Что могло повлиять на Вас? • Что именно происходило в той ситуации? Если бы Вас можно было сфотографировать в этот момент, что бы зафиксировала фотокамера? • О чём Вы думали (какие мысли были в голове) в этот момент? • Какие чувства испытывались при этом? • Что Вы хотели сделать в той ситуации? Каковы были Ваши побуждения? Что в итоге Вы сделали или сказали? • Что значит для Вас эта ситуация сейчас, из сегодняшнего дня? 	Компоненты переживания личностью собственной деструктивности: мысли, чувства, действия, побуждения; категории смысловой интерпретации проявлений деструктивности (личностный смысл ситуации, её «значение для меня»)
3	Детерминация деструктивности	<ul style="list-style-type: none"> • Как Вы объясняете себе причины своего поведения в той ситуации? • Был ли у Вас выбор в той ситуации? Была ли возможность поступить иначе? • При каких условиях обычно проявляется Ваша деструктивность? Что должно произойти, чтобы Вы начали вести себя деструктивно (что является «триггером»)? • В подобных ситуациях является ли Ваше поведение намеренным, осозанным? Всегда ли Вы учитываете последствия Вашего поведения в подобных ситуациях? • Как Вы объясняете причины собственной деструктивности? 	Категории внешней/внутренней детерминации разрушения

4	Ценностно-смысловая сфера личности и её связь с переживаниями деструктивности	<ul style="list-style-type: none"> • Опишите себя как личность. Что Вы за человек? Какие черты характера Вам свойственны? • Каких жизненных ценностей, установок Вы придерживаетесь? Что в жизни является самым важным и значимым для Вас? • Что, на Ваш взгляд, в Ваших ценностях, установках, характере может заставлять Вас вести себя деструктивно? • Помогает ли деструктивность реализовывать какие-то Ваши ценности? Каким Вашим ценностям она противоречит? 	Категории ценностей самотрансценденции-самоусиления, открытости к изменениям-консерватизма/ стабильности; типы связей между ценностями и деструктивным поведением; личностные черты, связанные с деструктивным поведением
5	Общая интерпретация собственной деструктивности	<ul style="list-style-type: none"> • Каковы функции и роль деструктивности в Вашей жизни? • Как Вы думаете, есть ли в деструктивных переживаниях какой-то особый смысл? Если да, то какой? • Для чего может быть нужно разрушение в Вашей жизни? Чему оно мешает, препятствует? 	Положительные и отрицательные смыслы деструкции

Результаты исследования

Тематический анализ данных, полученных с помощью полуструктурированного интервью, позволил выделить три группы тем, каждая из которых соответствует одному или нескольким блокам вопросов интервью. Рассмотрим каждую группу тем отдельно.

1. Содержательные аспекты переживания собственной деструктивности

Анализ ответов респондентов на вопросы о типичных паттернах переживания деструктивности (блок вопросов 1) и о конкретной жизненной ситуации, связанной с проявлением данного личностного свойства (блок вопросов 2), позволил выделить основные типы переживания личностью собственной деструктивности. Они различаются содержательно и объединяют смысловые категории, соответствующие направленности разрушения вовне или на себя (см. рис. 1).

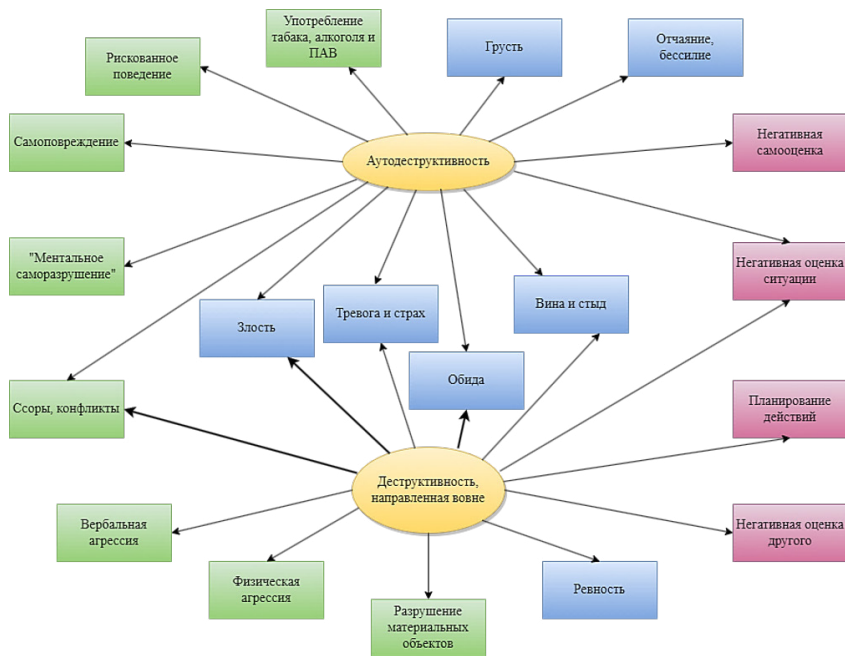

Рис. 1. Типы переживания личностью собственной деструктивности.

Примечание. Жёлтым цветом обозначены основные темы, зелёным – категории паттернов поведения, синим – категории чувств, фиолетовым – категории мыслей. Толщина стрелки указывает на большую представленность (частоту встречаемости) категории в феноменологических описаниях.

Тема «аутодеструктивность» встречается в текстах интервью значительно чаще: о ней говорят 70% респондентов, в то время как 30% опрошенных сообщают о переживании деструктивности как направленной вовне активности.

Аутодеструктивность включает специфические поведенческие паттерны: повреждение своего тела повторяющимися действиями – порезами, царапанием, кусанием губ или ногтей, вырыванием волос и т.п. (40% респондентов), рискованное поведение, например, опасное вождение (25%), курение, употребление алкоголя и психоактивных веществ (40%). Однако помимо внешне наблюдаемых паттернов поведения, 65% респондентов также описывали внутриличностные проявления, обозначенные категорией «ментальное саморазрушение»: самообвиняющие и самоуничижительные мысли, «самокопание», «самобичевание» и «самообесценивание». Иногда «ментальное», или внутриспсихическое, саморазрушение

сопровождается побуждением к самоповреждению (15%) и суицидальными мыслями (10%). Чаще всего оно связано с низким уровнем физической активности (30%): *«лежала и плакала» «одна наедине с собой»*. К конкретным жизненным ситуациям, иллюстрирующим проявление аутодеструктивности, можно отнести переживание неудачи или разочарования в романтических отношениях (20%), неуспеха в учебной или профессиональной деятельности (10%). Контекстом для аутодеструктивности может выступать межличностный конфликт, чаще всего ссоры с партнёром (25%), однако саморазрушение в этом случае является способом отсроченного эмоционального реагирования на ранее произошедший конфликт и не характеризует непосредственное поведение в ссоре. Также характерным является попадание в рискованную и опасную для жизни и здоровья ситуацию, сопровождающееся употреблением алкоголя, наркотиков и психоактивных веществ. Переживание аутодеструктивности в различных ситуациях характеризуется преобладанием негативных самооценочных мыслей (50%), а специфическим эмоциональным наполнением являются чувства грусти (25%) и отчаяния или бессилия (35%): *«Я никчемная, ничего не получается, какое-то ничтожество, ничего не могу, нет каких-то успехов», «ощущение, будто бы ты всё сделал неправильно, пытаешься восстановить что-то в своей голове, но не получается... сам себя не понимаешь, запутался, и абсолютно беспомощен даже в своей собственной голове»*.

Неспецифическими для разных вариантов направленности разрушения являются агрессия, чувство злости и гнева (55%), обида (45%), вина и стыд (55%), тревога и страх (55%). Эти чувства встречались в текстах большинства респондентов, вне зависимости от основной темы нарратива. Также неспецифичным, характерным для переживания деструктивности в целом является когнитивный компонент «негативная оценка текущей ситуации» (50%): *«как же это надоело, всё, конец, хватит с меня», «почему я каждый раз это терплю?»*.

Деструктивность, направленная вовне (т.н. аллодеструктивность), чаще всего проявляется в межличностных конфликтах и описывает поведение непосредственно в ссоре, включая вербальную (55%) и физическую (10%) агрессию в адрес партнёра по общению. Реже упоминается разрушение материальных объектов (30%): повреждение одежды, битьё посуды, порча различных предметов быта и т.п. Такие деструктивные действия также иногда относятся к поведению в межличностном конфликте. Большинство респондентов в данном контексте упоминают конфликты в близких партнёрских

отношениях (60%), реже – конфликты в родительской семье (20%), ссоры с друзьями (15%) и со знакомыми или коллегами (15%). Если в описываемой ситуации деструктивность не выражалась в конкретных действиях, то респонденты упоминали желание проявить физическую (10%) или вербальную (10%) агрессию. Негативная оценка другого человека является выраженным когнитивным компонентом такого типа переживания (35%): *«человек меня абсолютно не знает, не понимает», «человек не ценит меня так, как ценю его я»*. Поскольку деструктивность, направленная вовне, реализуется в более активных действиях по сравнению с аутодеструктивностью, мысли в ситуации связаны с планированием и целеполаганием (35%): *«мне надо собрать вещи и уходить отсюда», «я могу что-то сделать, чтобы человек остановился, чтобы он не поступал так или чтобы он меня понял»*. Специфическое эмоциональное содержание аллодеструктивности определяется чувством ревности, однако упоминание этой категории обнаружено только в одном интервью (5%). Чувства злости, гнева, обиды и несправедливости при наличии выраженной интрасубъектной направленности в большей мере характеризуют аллодеструктивность, по сравнению с описываемыми ситуациями саморазрушения.

2. Представления о причинах собственной деструктивности

Далее были проанализированы представления респондентов о причинной обусловленности собственного деструктивного поведения (блок вопросов интервью №3). Тематический анализ позволил выделить два ключевых мотива: представления о внешней и внутренней детерминации деструктивности. Представления о самодетерминации встречались в текстах респондентов значительно чаще (у 95% опрошенных), чем описания внешних влияющих факторов (40%). При этом в текстах одних и тех же респондентов часто (35%) обнаруживались категории как внутренних, так и внешних причин собственной деструктивности. По мнению 80% опрошенных, в конкретной жизненной ситуации, связанной с проявлением деструкции, у них был выбор, как себя повести, а 55% респондентов указывают на среднюю или высокую осознанность поведения. Условия, при которых чаще всего проявляется деструктивность, включают межличностные конфликты (45%), стрессовые ситуации (25%), ситуации неуспеха и неудачи (15%), переживание внутриличностного кризиса (30%). В описании ситуаций всех четырёх категорий выражены самодетерминационные аспекты деструктивного поведения, в то время как представления о внешней обусловленности деструкции характерны только для ситуаций

конфликтов в близких отношениях (внешняя причина – другой человек) и переживания стресса (внешняя причина – обстоятельства, ситуация).

Каждая из двух выявленных тем имеет специфическое смысловое содержание. Категории самодетерминации деструктивности были уточнены с помощью контент-анализа более подробно, с целью описания разноуровневой феноменологии (см. рис. 2).

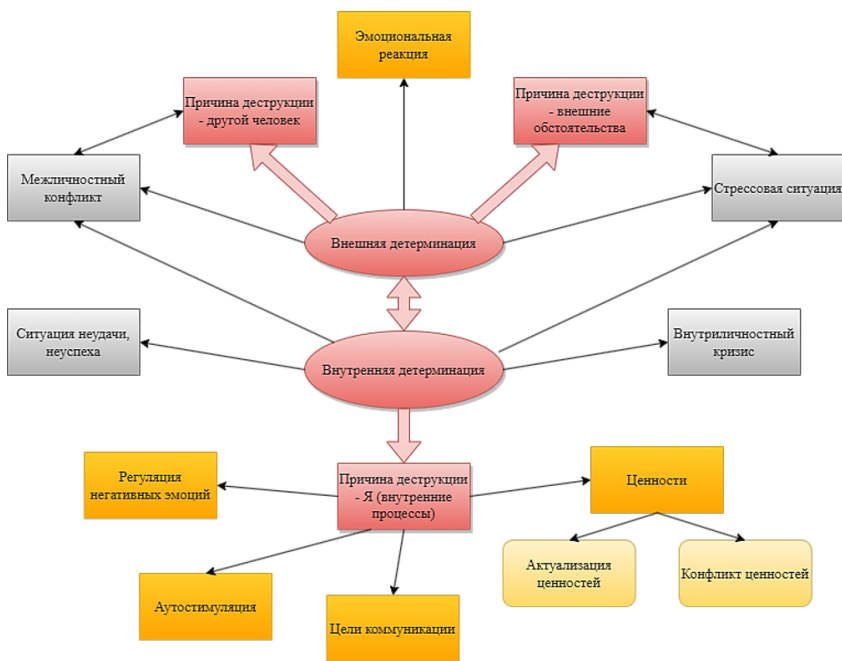

Рис. 2. Представления о внешней и внутренней детерминации деструктивности.

Примечание: красным цветом обозначены основные темы, серым – категории типичных жизненных ситуаций, в которых чаще всего проявляется деструктивность, жёлтым – категории внутренних причин поведения.

Среди типичных детерминант деструктивности респонденты чаще всего (70%) упоминают негативные эмоции, однако при первичной интерпретации данных представляло трудность однозначно отнести их к внутренним или внешним причинам

поведения. С одной стороны, для части респондентов (40%), рассказывавших преимущественно о проявлениях собственной аутодеструктивности, саморазрушение выступает способом произвольной эмоциональной саморегуляции: *«спокойствие наступает или становится легче морально...некая перезагрузка», «чувства высвобождаются, болевые ощущения позволяют успокоиться», «хотела выразить переживания, и это был способ справиться с чувствами»*. В этом случае эмоции, будучи субъективной оценкой и внутренним отражением внешней ситуации, запускают произвольное, намеренное и частично осознанное совладающее поведение. С другой стороны, в ответах 30% респондентов встречается принципиально отличная категория, которой соответствует реактивная аллодеструктивность, описываемая в контексте внешней детерминации поведения. Например, респондентка описывает эмоциональные реакции на конфликты с партнёром, считая его причиной собственного поведения: *«иногда меня провоцируют на это, иногда у меня не остается другого выхода, иногда я не могу совладать со своими эмоциями»*. Также в текстах представлены такие формулировки, как: *«эмоции взяли надо мной вверх»* и т.п., и следующее описание: *«имеющиеся эмоциональные переживания начинают прямо до физического дискомфорта как-то вот бурлить. И это толкает на то, чтобы сделать какое-то вызывающее действие, обращающее на себя внимание, какой-то взрыв произвести»*. В приведённых примерах можно увидеть, что респонденты описывают собственные эмоции как самостоятельно действующие силы, возникающие в качестве реакции на происходящую ситуацию или на поведение другого человека (*«это срабатывает автоматически...естественные реакции организма»*). Можно заключить, что самодетерминационный аспект в большей мере выражен в первом варианте, описывающем деструктивную эмоциональную саморегуляцию в отсутствии более эффективных адаптивных копинг-стратегий. Согласно самоотчётам респондентов, саморазрушающие мысли и действия инициируются произвольно, отсрочены во времени относительно «триггерной» ситуации (чаще всего это неудача и неуспех в романтических отношениях или в учебной и профессиональной деятельности).

Ещё одной упоминаемой причиной деструктивного поведения является аутостимуляция и стремление получить удовольствие с помощью разрушительных действий (20%). Употребление психоактивных веществ и рискованное поведение и т.п. могут быть обусловлены этими внутренними детерминантами, возникающими как в виде спонтанных интенций, так и в форме произвольных инициаций

сложной целенаправленной деятельности. Одна из респонденток рассказывала о намеренном попадании в рискованную для жизни и здоровья ситуацию, связанную с угрозой насилия, при этом в описываемом поведении был выражен компонент планирования и целеполагания, осознанного стремления подвергнуть себя риску и получить *«острые ощущения, прилив адреналина»*.

С целевой самодетерминацией также связаны проявления деструктивности, обусловленные стремлением привлечь внимание или сообщить об уровне переживаемого дистресса другому человеку (30%). Осознанные цели коммуникации являются в данном случае внутренними детерминантами поведения. В качестве причин респонденты обозначают *«желание сообщить кому-то о своих чувствах и переживаниях»*, *«повлиять на другого человека, сказать ему о своих чувствах или показать то, насколько мне больно, насколько сильно человек задел»*, а также *«стремление отстоять свои границы»* в конфликте. Деструктивное поведение в данном случае имеет сигнальную функцию.

Переживание деструктивности в различных ситуациях (часто в ситуации внутриличностного кризиса, в отсутствии явных внешних влияющих факторов), связано с жизненными ценностями личности, в частности, с их актуализацией или инстантированием (60%): среди причин собственной деструктивности респонденты называют *«недостаточность в познании»* (ценность самонаправления по Ш. Шварцу), *«страх быть брошенной, страх, что ничего не добьешься, не состоишься в этой жизни, страх остаться никем»* (ценности отношений и достижений), *«страх обидеть, желание нравиться, стремление сохранять отношения, идя на уступки»* (ценность отношений или благосклонности по Ш. Шварцу). Также обнаружены ответы, иллюстрирующие обратное инстантирование ценностей: *«я ставлю какие-то цели, и, когда у меня что-то не получается, я начинаю самокопание»* (нереализованность ценности достижений), *«когда я не чувствую свободу, предаю свои ценности, я веду себя деструктивно»* (нереализованность ценностей самонаправления и открытости к изменениям). Кроме того, в качестве внутренней детерминанты деструктивности, переживаемой в близких партнёрских отношениях, можно рассматривать конфликт базовых ценностей, упоминаемый 40% респондентов: *«разрушение значимых отношений для сохранения себя»*. Более подробно данный тезис иллюстрируют следующие слова респондентки: *«когда я вошла в отношения, это была деструкция по отношению к себе, себя сломала, было тяжело, разрушился старый быт... потом вышла я из отношений тоже деструктивно»*. Согласно ответам этой респондентки на вопросы интервью, для неё равную

ценность представляют свобода в определении собственных действий (самонаправление) и близкие межличностные отношения, преодоление личных интересов ради других (самотрансценденция через благосклонность по Ш. Шварцу).

Контент-анализ ответов на вопросы блока 4 позволил выявить несколько категорий, которыми можно дополнить представления о ценностной детерминации деструктивности. По мнению 50% респондентов, разрушительность личности противоречит их базовым ценностям: самотрансценденции (разрушение отношений), самонаправлению и самоусилению (*«ломает образ сильного человека»*). В то же время половина опрошенных указывают на то, что деструктивность положительно взаимосвязана с реализацией таких жизненных ценностей, как открытость изменениям (*«любопытство точно способствует (деструктивности): мне вот это вот нравилось, а через неделю мне это может не понравиться, и я это уничтожу»*) и самоусиление посредством достижений (*«ценность достижения успеха сама по себе какая-то деструктивная, потому что достижение успеха не получается без каких-то деструктивных переживаний, различных тревожностей, самокритики и прочих неприятных состояний»*).

3. Общая интерпретация собственной деструктивности

Наконец, третья группа тем позволила обобщить категории, выявленные с помощью контент-анализа ответов на вопросы 5-ого блока интервью. Они соответствуют различным вариантам осмысления респондентами собственной деструктивности на примере описанных ими жизненных ситуаций. Данные категории можно объединить в две основные темы: 1) интерпретация деструктивности в качестве стабильной черты, паттерна поведения, повторяющегося в повседневных ситуациях; 2) интерпретация деструктивности как ценного и значимого «трансформирующего» жизненного опыта, связанного с личностными и жизненными изменениями (см. рис. 3).

Первая тема частично связана с категорией ответов на вопрос из блока 4: «Что, на Ваш взгляд, в Ваших ценностях, установках, характере может заставлять Вас вести себя деструктивно?», а именно с такими вариантами ответа, в которых в первую очередь указывается на черты характера (агрессивность, вспыльчивость, импульсивность, тревожность). Часто наличие у себя таких черт объясняется прошлым опытом: *«в жизни были триггерные ситуации, из-за которых так сложилось»*. Осмысление деструктивности в качестве стабильного личностного свойства часто предполагает оценку опыта переживания разрушения как субъективно незначимого и обыденного («мелочь, пустяк», 15%).

Деструктивность рассматривается как негативный паттерн поведения, регулярно повторяющийся («привычка», 25%), связанный с потерей контроля над эмоциями (40%), нанесением вреда себе и другим (30%): *«Деструктивность – это что-то, что всегда будет со мной и сбатывает автоматически».*

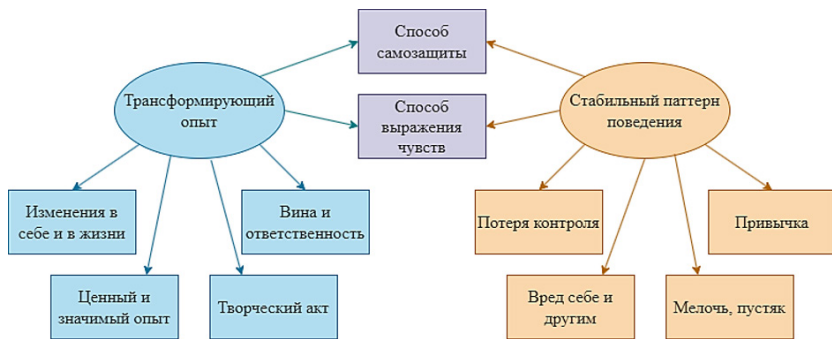

Рис. 3. Смысловые аспекты переживания личностью собственной деструктивности.

Также многие респонденты утверждают, что основной смысл деструктивности в том, чтобы обеспечивать самозащиту, отстаивание своих интересов в конфликте (25%), а также в том, чтобы способствовать «отреагированию» эмоций (25%) и сигнализировать о переживании дистресса (30%), т.е. служить способом внешнего выражения чувств. Данные категории встречались как в описаниях трансформирующего опыта переживания деструктивности, так и в рассказах о привычных повторяющихся паттернах поведения. Двойственную интерпретацию иллюстрируют следующие слова респондентки: *«деструктивность может помочь прожить эмоции и чувства, которые человек по каким-то причинам не позволяет себе прожить... Но она будет мешать, если она станет привычным способом выражения эмоций».*

Трансформация в процессе переживания деструктивности означает придание особой значимости и ценности приобретённому опыту деструкции (35%), связывание его с последующими изменениями в себе (60%), в жизни (60%) или во взаимоотношениях с окружающими (45%). Этот опыт может быть отрицательным, наполненным осознанием собственной вины и ответственности (35%), провоцирующим изменение поведения, ухудшающим отношения. Однако также подобному опыту может быть приписано положительное значение творческого акта (5%). Жизненные

изменения, связанные с ситуацией проявления и реализации собственной деструктивности, чаще оцениваются как отрицательные (40%): *«больше негатива стало в отношениях»*, *«стала бояться мужчин»*, *«раньше думала, что мы никогда не расстанемся, а сейчас я понимаю, что, в принципе, это возможно»*. Тем не менее, 25% опрошенных сообщали о положительных изменениях в жизни: *«обратилась за помощью»*, *«постепенно выбралась из ямы»*, *«стал серьезнее относиться к физическому насилию, которое могу совершить, почувствовал, каково это — совершить физическое насилие, даже в такой легкой форме...теперь более ответственно отношусь к действиям, совершаемым в состоянии серьёзного эмоционального переживания»*. Некоторые респонденты (35%) подчёркивают значимую роль переживания собственной деструктивности в личностном становлении и развитии: *«бутон раскрывается, расцветает, вянет, разрушается; феникс: разрушение и возобновление, даёт духовный рост, опыт, но лишает счастья»*, *«деструктивность сама по себе прекрасна, потому что перетрансформировать и переосмыслить можно всё»*, *«деструктивность — это способность перейти на другой уровень функционирования с помощью разрушения чего-то ненужного»*.

Обсуждение результатов

Качественный анализ позволил описать основные компоненты переживания личностью собственной деструктивности. Согласно полученным результатам, поведенческие, эмоциональные и когнитивные компоненты переживания различаются в зависимости от направленности разрушения вовне или на себя. Некоторые категории оказались неспецифичными для двух вариантов направленности: это категории эмоций и чувств (злость, обида, тревога и страх, вина и стыд), а также когнитивная оценка происходящей ситуации как негативной. Можно объяснить полученные данные тем, что деструктивное поведение частично обусловлено негативной эмоциональной реакцией на внешние события. Представленность чувств вины и стыда указывает на то, что в переживании деструктивности выражен компонент сознательной оценки собственного поведения с точки зрения его социальной желательности или с точки зрения ценностей личности. Примером является переживание вины перед самим собой за недостаточную реализацию собственного потенциала в ситуации неудачи или неуспеха.

Мы связываем реактивный вариант разрушительного поведения преимущественно с внешне направленной деструктивностью (аллодеструктивностью), способом спонтанного реагирования на ситуацию межличностного конфликта или на стрессовую ситуацию.

Такое понимание сближает деструктивность с агрессивностью личности.

В то же время качественный анализ показал, что деструктивность для большинства респондентов ассоциируется с саморазрушением. Описания подобных жизненных ситуаций позволяют увидеть, что саморазрушающее поведение может проявиться значительно позже провоцирующей его ситуации (неуспеха или неудачи, конфликта), является произвольным и целенаправленным, попыткой справиться с негативными эмоциями и чувствами. Самообвиняющие мысли и саморазрушительные действия выступают деструктивным вариантом совладания, кажущимся наиболее приемлемым в конкретный момент способом эмоциональной саморегуляции, согласно субъективной оценке самого человека. В связи с этим делается предположение о внутренней детерминации поведения в подобных ситуациях.

Разграничивая уровни самодетерминации деструктивности, можно отнести саморазрушение с целью эмоциональной регуляции к базовому уровню спонтанно возникающих разрушительных интенций, имеющих функциональное значение. К этому уровню также относится деструкция с целью получения удовольствия и аутостимуляции. Однако такой вид поведения иногда включает процессы целеполагания и планирования, а значит, может быть связан также и с целевой, и с ценностной самодетерминацией, что хорошо иллюстрирует комплементарные взаимосвязи разноуровневых механизмов. Категория аутостимуляции занимает переходное положение в модели самодетерминации личностной деструктивности: согласно предыдущим исследованиям, стимуляция может выступать в качестве биологически обусловленной мотивации человека, но в отсутствии внутреннего конфликта между биологическими потребностями и сознательными убеждениями, она становится индивидуальным ценностным предпочтением (Роккас, Сагив, 2022).

Ко второму уровню самодетерминации можно отнести деструктивное поведение в общении в том случае, когда коммуникативные цели активности осознаются субъектом. Примером может служить стремление сообщить о своих переживаниях другому или стремление повлиять на другого человека: на эту функцию самоповреждающего поведения указывают П. Тэйлор и соавторы (Taylor et al., 2018) и Н.А. Польская (Польская, 2017). Разрушительные действия, рефлекслируемые респондентами как месть, которая включает разработку и осуществление человеком осознанного плана, также попадают в эту категорию.

Наконец, наиболее подробно была описана ценностная детерминация переживания личностью собственной деструктивности. Ценностно-смысловая самодетерминация деструктивного поведения может возникать в ситуации внутриличностного кризиса, в отсутствии явных непосредственно влияющих внешних факторов. Кризис связан с актуализацией жизненных ценностей, степенью их реализованности в жизни человека. Согласно описаниям респондентов, в подобных ситуациях может появляться мысль о недостаточной или неполной реализации ценности самоусиления посредством достижений и социально значимых успехов. Эти данные согласуются с предыдущими исследованиями связи ценностей и эмоционального благополучия (Hanel, Wolfardt, 2016). Также на основе качественного анализа данных интервью можно заключить, что деструктивность положительно взаимосвязана с ценностями стимуляции (стремлением к новому опыту и впечатлениям) и открытости к изменениям. Конфликт между ведущей базовой ценностью благосклонности к людям и другими ценностями личности, например, самонаправлением (свободой в реализации собственных идей, способностей, действий), может рассматриваться в качестве детерминанты переживания личностью собственной деструктивности в контексте межличностных отношений.

Качественный анализ смысловых аспектов переживания позволил обнаружить, что ситуации проявления собственной деструктивности могут оцениваться субъектом, с одной стороны, как повседневный опыт и повторяющийся привычный паттерн поведения, и, с другой стороны, как значимый, трансформирующий личность опыт, в том числе связанный с положительными изменениями в жизни. Первая интерпретация обусловлена представлением о повторяющихся в повседневной жизни деструктивных действиях, причины которых заложены в наиболее привычных способах реагирования и регулирования чувств, т.е. в характере. Однако личностная черта по определению является совокупностью типичных паттернов поведения: по мнению Я. Цецнуха (Роккас, Сагив, 2022), предположение о наличии каузальных связей между чертами и поведением неправомерно (с точки зрения теории, а не обыденного сознания). Второй вариант интерпретации собственной деструктивности показывает возможную связь переживаний деструктивности с положительными изменениями личности, её ростом, развитием и становлением.

Исследование может быть дополнено процедурами повышения валидности качественных данных, в частности, триангуляцией –

сопоставлением данных, полученных разными методами (Yardley, 2017). Количественные измерения личностных феноменов тестовыми методиками с условием увеличения объёма выборки позволят проверить валидность качественных данных. Также с целью повышения валидности возможно прибегнуть к экспертной оценке данных или обращению к респондентам, выступающим в качестве экспертов (Yardley, 2017).

Среди ограничений исследования можно отметить применение методов самоотчёта, которые затрудняют определение каузальных связей между ценностями и поведением: респонденты могут делать вывод о своих намерениях постфактум, исходя из поведения. Кроме того, в работе не учитывалось влияние актуального социокультурного контекста на активацию ценностей личности, взаимосвязанных с переживанием деструктивности. К примеру, наличие внешних угроз в социальной среде – экологических, финансовых, институциональных или угроз национальной безопасности – актуализирует конкретные ценности самозащиты: ценности конформизма, традиции и безопасности (Роккас, Сагив, 2022).

Заключение

Данная работа представляет собой феноменологическое описание и интерпретацию переживаний личностью собственной деструктивности посредством качественного метода тематического анализа текстов. Исследование направлено на поиск новых методологических решений изучения разрушительности личности. Предпринята попытка анализа феномена деструктивности с точки зрения самодетерминации личности с фокусом на ценностно-смысловых аспектах разрушительной активности. Полученные данные позволяют расширить традиционное понимание разрушительности человека как однозначно негативного личностного свойства. В феноменологическом описании переживаний обнаружена связь собственной деструктивности с реализацией ценностей свободы, межличностных отношений, изменения и развития личности. Эти результаты могут служить подтверждением идеи С.Н. Шпильрейн о «деструкции как причине становления».

Литература

Гришина, Н.В., Костромина, С.Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности //

- Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 39–51. DOI: 10.31857/S020595920014166-8.
- Злоказов, К.В. Роль насилия в деструктивном поведении: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4(80). С. 188–192.
- Костромина, С.Н., Филатова, А.Ф., Москвичёва, Н.А., Зиновьева, Е.В., Одинцова, М.М. Комплементарная модель самодетерминации личности // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 1. С. 82–99. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6>.
- Костромина, С.Н., Филатова, А.Ф. Детерминизм и самодетерминация в анализе личностной деструктивности // Вестник Удмуртского Университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 33. № 3. С. 232–245. DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-3-232-244
- Клейберг, Ю.А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 130–135.
- Короленко, Ц.П., Донских, Т.А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990.
- Леонтьев, Д.А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Консультативная психология и психотерапия. 2008. Т. 16. № 4. С. 58–82.
- Леонтьев, Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1. С. 1–17.
- Морозова, И.С., Белогой, К.Н., Евсеенкова, Е.В. К проблеме систематизации теоретических подходов к изучению аутодеструктивного поведения в традиционной и постнеклассической психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 8. С. 59–67.
- Петровский, В.А. Субъектность Я в персонологической ретроспективе // Мир психологии. 2021. № 1–2(105). С. 174–193.
- Польская, Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии. Дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2017.
- Пьянкова, С.Д. Нелинейность развития как психологический феномен и литературный мотив // Психологические исследования. 2009. №1(3). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1011>
- Рикёр, П. [Ricoeur P.] Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академия-центр, 1995.
- Розанов, В.А. Агрессия и аутоагрессия (суицид) – анализ с позиций нейробиологии // Суицидология. 2022. Т. 13. № 3(48). С. 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38).

- Роккас, С., Сагив, Л. (сост.) Ценности и поведение. Кросс-культурный подход. Пер. с англ. О.В. Панасьева. СПб: ИПП ГЦ, 2022.
- Томэ, Х., Кехеле, Х. Агрессия и деструктивность: по ту сторону мифологии влечений // Современный психоанализ. М.: Прогресс, 1996. Т. 1. Теория.
- Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия // Полное собрание сочинений в 26 томах. СПб: Изд-во ВЕИП, 2020. Том 13–14: Статьи по метапсихологии. С. 193–255.
- Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017.
- Херманс, Г.Й.М. Личность как мотивационный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации / пер с англ. Д.А. Кутузовой и Ф.И. Барского // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2006–2007. № 1(3). С. 7–53.
- Хорошилов, Д.А., Мельникова, О.Т. Метод тематического анализа в изучении представлений о женском лидерстве // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 85–99.
- Шнялева, И.Ф., Федорова, Ю.А. (сост.) Профилактика деструктивного поведения в молодежной среде. Уфа: Изд-во БГПУ, 2019.
- Шпильрейн, С.Н. Деструкция как причина становления // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2020. С. 5–30.
- Braun, V., Clarke, V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in psychology. 2006. Vol. 3. P. 77–101.
- Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J., & Andreou, C. Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors // Journal of personality disorders. 2019. Vol. 33. No. 2. P. 249–261. https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346.
- Hamza, C.A., Willoughby, T., & Heffer, T. Impulsivity and nonsuicidal self-injury: A review and meta-analysis // Clinical psychology review. 2015. Vol. 38. P. 13–24. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.02.010>
- Hanel, P.H.P., & Wolfradt, U. The ‘dark side’ of personal values: Relations to clinical constructs and their implications // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 97. P. 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.045>
- Marchenko, O.V., Martseniuk, L.V. Human destructiveness in the existing practices of late modernism violence: Positive and negative dimensions // Anthropological Measurements of Philosophical Research (Антропологічні виміри філософських досліджень). 2020. Vol. 17. P. 41–54.
- Matera, E., Margari, M., Serra, M., Petruzzelli, M. G., Gabellone, A., Piarulli, F. M., Pugliese, A., Tassiello, A. R., Croce, F., Renna, C., & Margari, A. Non-Suicidal Self-Injury: An Observational Study in a Sample of

- Adolescents and Young Adults // Brain sciences. 2021. Vol. 11. No 8. P. 974. <https://doi.org/10.3390/brainsci11080974>
- Moore, F.R., Doughty, H., Neumann, T., et al. Impulsivity, aggression, and suicidality relationship in adults: A systematic review and meta-analysis // eClinicalMedicine. 2022. Vol. 45. P: 101307. DOI: 10.1016/j.eclinm.2022.101307.
- Recarte, A. Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing // Studies in Gender and Sexuality. 2020. Vol. 21. No. 3. P. 231–237. DOI: 10.1080/15240657.2020.1798190.
- Schwartz, S.H., Cieciuch, J. Measuring the Refined Theory of Individual Values in 49 Cultural Groups: Psychometrics of the Revised Portrait Value Questionnaire // Assessment. 2022. Vol. 29. No. 5. P. 1005–1019. <https://doi.org/10.1177/1073191121998760>
- Taylor, P.J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J.M. A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury // Journal of Affective Disorders. 2018. No. 227. P. 759–769. DOI:10.1016/j.jad.2017.11.073.
- Yardley, L. Demonstrating the validity of qualitative research // The Journal of Positive Psychology. 2017. Vol. 12. P. 295–296. 10.1080/17439760.2016.1262624

Сведения об авторах

Анастасия Ф. Филатова, магистр психологии, ассистент кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.filatova@spbu.ru

Светлана Н. Костромина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; s.kostromina@spbu.ru

Filatova A.F., Kostromina S.N.

Value-semantic determinants
of experiencing one's own destructiveness:
qualitative analysis

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The study of destructive phenomena in the everyday life of a modern person is of special interest to psychological science and the practice of psychological counseling and psychotherapy. Contrary to the traditional view

that destructive behavior is lonely caused by violations of emotional and volitional regulation, many forms and manifestations of destructiveness can be considered from the standpoint of self-determination of personality, which implies subjective involvement, purposefulness, and voluntariness of actions, as well as awareness of oneself as the cause and author of destruction. A person's experience of his/her own destructiveness can be associated with the actualization and realization of life values and meanings. Qualitative analysis of personality experiences will significantly complement the quantitative studies of destructive behavioral patterns presented in modern literature. The aim of the work is to study the value and semantic components of a person's experience of his/her own destructiveness, as well as to verify the hypothesis that destructive activity is associated with different levels of mechanisms of personality self-determination. The study sample consisted of 20 people aged 20 to 50 years old. A semi-structured interview was used as the method of data collection, and thematic content analysis was used as the method of data processing. The results of the study contain a description of behavioral, emotional, and cognitive components of the experience of destructiveness, which differ depending on the orientation of destruction outward or inward. Empirical referents corresponding to three levels of self-determined destructive activity were found in the respondents' texts: 1) spontaneous destructive intents connected with emotional self-regulation or self-stimulation; 2) voluntary initiations of destructiveness to achieve communicative goals; 3) meanings and values of destruction arising in conditions of actualization of personality's life values or their conflict. The role of values of self-reinforcement, self-transcendence, auto-stimulation, openness to change, and self-direction in the process of value and meaning self-determination of personal destructiveness is shown. The results of the study allow us to draw a conclusion about the connection between the experience of personality destructiveness and the realization of life meanings and values of personality.

Key words: personality destructiveness, destructive behavior, destruction, self-destruction, determinism, self-determination, values, personal meaning, qualitative methods

For citation: Filatova, A.F., Kostromina, S.N. (2024). Value-semantic determinants of experiencing one's own destructiveness: qualitative analysis. *New Psychological Research*, No. 2, 30–59. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_02_02

References

- Braun, V., Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in psychology*, 3, 77–101.
- Freud, S. (2020). Beyond the pleasure principle. In: *The Complete collection of works in 26 volumes. Volume 13–14: Articles on metapsychology* (pp. 193–255). St. Petersburg: Izd-vo VEIP

- Fromm, E. (2017). *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: AST.
- Grishina, N.V., Kostromina, S.N. (2021). Processual approach: stability and variability as a foundation of wholeness. *Psikhologicheskii zhurnal*, 42(3), 39–51. DOI: 10.31857/S020595920014166-8.
- Hamza, C.A., Willoughby, T., & Heffer, T. (2015). Impulsivity and nonsuicidal self-injury: A review and meta-analysis. *Clinical psychology review*, 38, 13–24. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.02.010>
- Hanel, P. H. P., & Wolfradt, U. (2016). The ‘dark side’ of personal values: Relations to clinical constructs and their implications. *Personality and Individual Differences*, 97, 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.045>
- Hermans, G.J.M. (2006–2007). Personality as a motivational storyteller: the theory of value and the method of self-confrontation. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Sotsial'nyi konstruksionizm i narrativnyi podkhod*, 1(3), 7–53.
- Khoroshilov, D.A., Melnikova, O.T. (2020). The method of thematic analysis in the study of ideas about women’s leadership. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 10(3), 85–99.
- Kleiberg, Yu.A. (2008). Typology of destructive behavior. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 1, 130–135.
- Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J., & Andreou, C. (2019). Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors. *Journal of personality disorders*, 33(2), 249–261. https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346.
- Korolenko, C.P., Donskikh, T.A. (1990). *Seven paths to disaster: destructive behavior in the modern world*. Novosibirsk: Nauka.
- Kostromina, S.N., Filatova, A.F. (2023). Determinism and self-determination in the analysis of personality destructiveness. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 33(3), 232–245. DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-3-232-244
- Kostromina, S.N., Filatova, A.F., Moskvicheva, N.L., Zinovyeva, E.V., Odintsova, M.M. (2023). Complementary Model of Personality Self-Determination. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 20(1), 82–99. URL: <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.1.6> .
- Leontiev, D.A. (2000). Psychology of freedom: towards the formulation of the problem of self-determination of personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 21(1), 1–17.
- Leontiev, D.A. (2008). The existential meaning of suicide: life as a choice. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 16(4), 58–82.
- Marchenko, O.V., Martseniuk, L.V. (2020). Human destructiveness in the existing practices of late modernism violence: Positive and negative dimensions.

Anthropological Measurements of Philosophical Research (Антропологічні виміри філософських досліджень), 17, 41–54.

- Matera, E., Margari, M., Serra, M., Petruzzelli, M. G., Gabellone, A., Piarulli, F. M., Pugliese, A., Tassiello, A. R., Croce, F., Renna, C., & Margari, A. (2021). Non-Suicidal Self-Injury: An Observational Study in a Sample of Adolescents and Young Adults. *Brain sciences*, 11(8), 974. <https://doi.org/10.3390/brainsci11080974>
- Moore, F.R., Doughty, H., Neumann, T., et al. (2022). Impulsivity, aggression, and suicidality relationship in adults: A systematic review and meta-analysis. *eClinicalMedicine*, 45, 101307. DOI: 10.1016/j.eclinm.2022.101307.
- Morozova, I.S., Belogai, K.N., Evseenkova, E.V. (2018). On the problem of systematization of theoretical approaches to the study of autodestructive behavior in traditional and post-non-classical psychology. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 8, 59–67.
- Petrovsky, V.A. (2021). Subjectivity of the Ego in a personological retrospective. *Mir psikhologii*, 1–2(105), 174–193.
- Polskaya, N.A. (2017). Phenomenology and functions of self-harming behavior in normative and disturbed mental development (Doctoral dissertation). Moscow.
- Pyanokova, S.D. (2009). Nonlinearity of development as a psychological phenomenon and literary motive. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 1(3). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1011>
- Recarte, A. (2020). Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing. *Studies in Gender and Sexuality*, 21(3), 231–237. DOI: 10.1080/15240657.2020.1798190.
- Ricoeur, P. (1995). *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Moscow: Akademiya-tsentr.
- Rokkas, S., Sagiv, L. (comp.) (2022). *Values and behavior. A cross-cultural approach*. St. Petersburg: IPP GC.
- Rozanov, V.A. (2022). Aggression and autoaggression (suicide) – analysis from the standpoint of neurobiology. *Suitsidologiya*, 13(3–48), 3–38. <https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03> (48)-3-38.
- Schwartz, S.H., & Cieciuch, J. (2022). Measuring the Refined Theory of Individual Values in 49 Cultural Groups: Psychometrics of the Revised Portrait Value Questionnaire. *Assessment*, 29(5), 1005–1019. <https://doi.org/10.1177/1073191121998760>
- Shilyaeva, I.F., Fedorova, Yu.A. (comp.) (2019). *Prevention of destructive behavior among young people*. Ufa: Ufa: Izd-vo BGPU.
- Spielrein, S.N. Destruction as the cause of coming into being (2020). In: F.R. Filatov (Eds.) *Sabina Spielrein: over time and fate. Collection of articles* (pp. 5–30). Rostov-on-Don: Mini Taip.

- Taylor, P.J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J.M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury. *Journal of Affective Disorders*, 227, 759–769. doi:10.1016/j.jad.2017.11.073.
- Tome, X., Kehele, H. (1996). Aggression and destructiveness: beyond the mythology of drives. *Modern psychoanalysis. Vol. 1. Theory*. Moscow: Progress.
- Yardley, L. (2017). Demonstrating the validity of qualitative research. *The Journal of Positive Psychology*, 12, 295–296. DOI: 10.1080/17439760.2016.1262624
- Zlokazov, K. V. (2018). The role of violence in destructive behavior: an empirical study. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4(80), 188–192.

Information about the authors

Anastasya F. Filatova, Master of Psychology, Assistant, Department of personality psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *a.filatova@spbu.ru*

Svetlana N. Kostromina, Doctor of Psychology, Professor, Department of Personality Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034; *s.kostromina@spbu.ru*